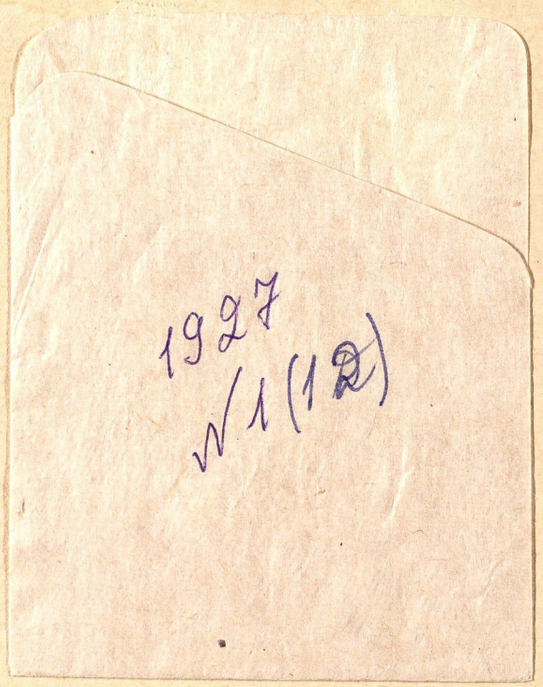
05(С132)
М75

Молот 1927 №1 (12)

1927
№1(12)

М 75

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

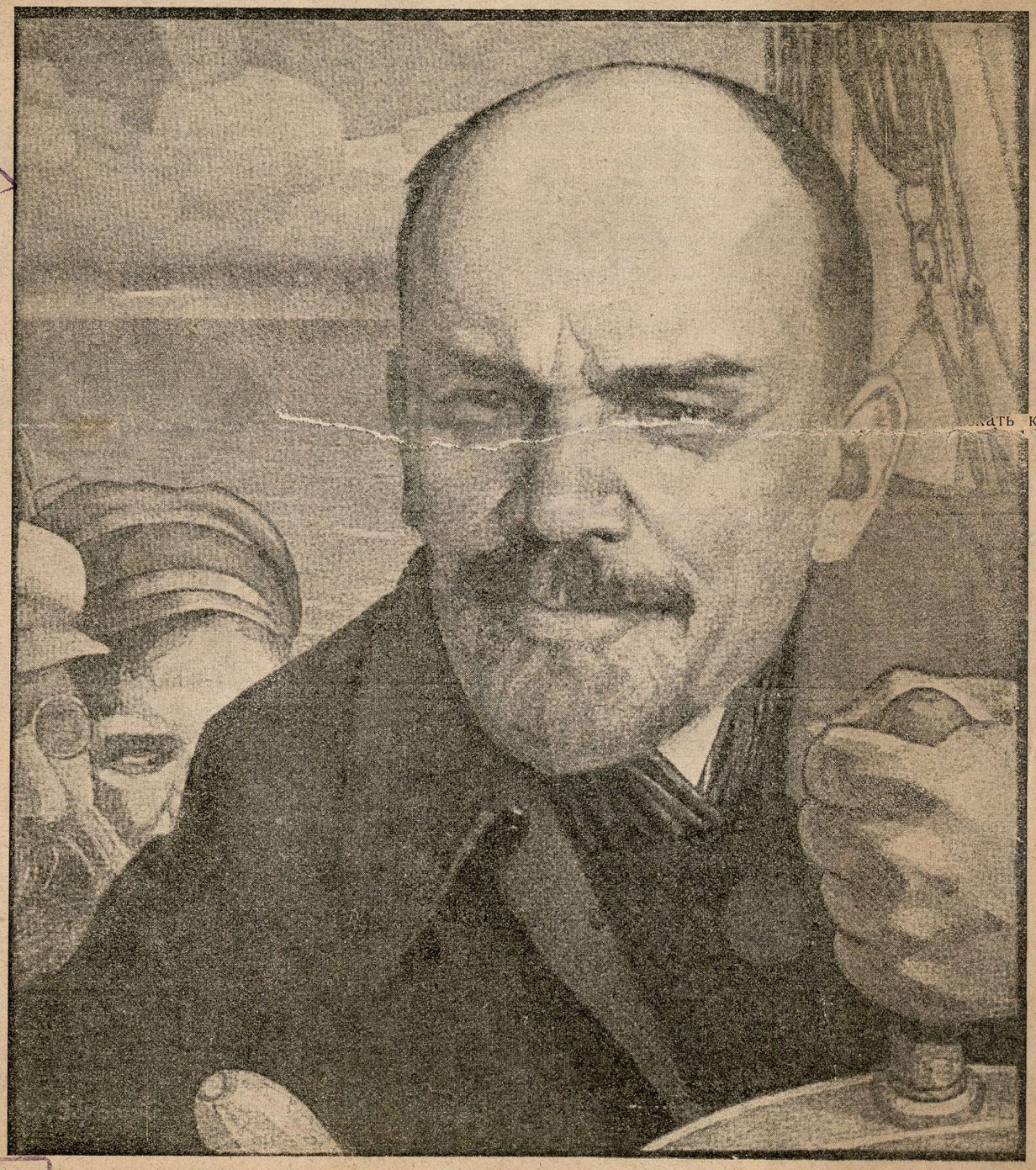
№ 1-й (12) 1927 год

МОЛОТ

7-е ноября

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ТУЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Я
Библиотека имени В. И. Ленина
05(с132)
М75
10094

Великий вождь Октября

Цена „Молота“ по подписке 10 к., в продаже 15 коп.

Тульская областная библиотека

Рис. В. Ф. Гильберт.

Антон Нагора.

Рассказ С. Корнева.

I.

Вспыхивали кострами восстаний российские деревни, украинские хутора, сибирские новоселки.

На тысячи верст тянулась монгольская граница по степи и горам. За три недели не доедешь до этой границы, и только радио-искры октябрьской Москвы, метаясь по всему миру, питали окраину новой жизнью, новой мыслью, новой надеждой.

Там, где запросто растут горные фиалки и душистые левкои, и где спины неспокойных переселенцев веками изъедали нагайки, там тоже большой костер и далеко дрожит от него зарево над ломаным, снеговым Тарбогатайским хребтом.

Пенится и кипит ледяная Катунь, падая с снеговых вершин, заглушая в заставах, в караулах, секретах от часовых, обычно четкий в лесу, треск сухого валежника под ногами, на расстоянии 5—10 шагов.

Но, ведь, с детства шумит Катунь и с детства уши Антона Нагоры привыкли различать за этим шумом и зов волчицы, и ответ прибылых волчат.

И Бакич, и Анненков, и Шишкин знают чуткого партизана Антона и далеко обходят его, пробираясь к далеким границам Монголии.

Но вместе со сплетнями, которые ползут по горам, все же спускаются вниз и они, и жгут деревни, уводят скот, насилуют женщин, хмурят Октябрь.

Еще тянет гарью от Липухи, еще не высохли партизанские кони, еще носится тревога по утомленному недельным боем и погоней отряду Антона.

Тяжелые годы.

Вот, уже третий пошел, как не слезают с коней партизаны и с винтовкой, и в поле, и дома, и всюду, а они все идут, и идут, эти новые и новые банды все новых, и новых разгромленных генералов.

И как-то уж привык за это время Антон добивать их. Привык к боевой, удалой жизни и сам, и все, кто был с ним.

И когда через неделю был получен приказ отойти за Катунь, что Липуха занята регулярными частями Красной армии — это означало, что все кончено, что снова пора по домам.

II.

Из большого, с резными карнизами, дома вился дымок. От села несло еще утром, и жена Антона хлопотала у печки. Этот дом как-то особенно выпирался из середины села и далеко его было видно. Давно не был у себя Антон. Последний поход загнал его к самой границе. И не видел он жены больше года. С окраины еще его поразило необычайное оживление замершего в боях и пожарах огромного, когда-то богатого, торгового села.

А когда он въезжал в него, то казалось, что оно занято белыми. Торговал в своей лавке, вернувшийся из Монголии, церковный староста; немилосердно звонили в колокола. На базарной площади толпился народ, шла торговля.

Большое село называли городом, уездом.

В бесхозяйственном доме, где жил Антон,— поселился Исполком, а его семья—жила где-то рядом.

И как-то рядом зажил и сам Антон.

III.

Новый уезд был единственным в губернии, где в этом году уродился хлеб. И на продорганы, на партком, на ячейки легла чрезвычайной важности задача—сбор продналога.

С налогом садились за стол, с налогом ложились спать и с налогом вставали.

Казалось, что сделано много, а из губернии писали:

— «Выполнено 27 проц. К первому, в боевом порядке,— выполнить 100».

А сводки становились тревожными. То тут, то там громились склады и как-то странно бездействовали парт'ячейки.

Молодая, окрайная, местная парторганизация, выросшая в лесах, в боях—не знала парткома.

Мало его знал и Антон.

А на Волге был голод, и умирали люди. Работал налоговый пресс, волновалась деревня. Группировались темные силы, готовые броситься на советскую власть. Все заметнее шевелились разбитые банды у границ, чаще бывали гонцы из соседних деревень у Антона.

И сам собой, как всегда, вновь сколачивался отряд.

Злило Антона, что с ростом тревоги из уезда побежали все: и спецы, и иные губернские, пришлые, «чужие» люди.

Они бежали к нему, а он раздувал сводки, часто не обращая внимания даже на то, что говорили и «свои» люди о бандах, о настроении казаков.

IV.

Не доверял Антон и губернии, закомиссарившимся «главкам».

Они не видели, чем живет деревня и что ей надо.

А Ракай говорил Антону: власть надо держать „на местах".

Может быть, в губернии чья-нибудь злая рука готовит в уезде восстание?

Мало-ли в продорганах „бывших людей"? Секретарем в Губпродкоме, вон, сын попа... В заготе служит бывший офицер. И хлеб там гниет.

Слова Ракая падают в сердце Антона.

Ракай хоть и „назначенец", но свой, защищает „местные интересы", родное гнездо.

И недоверие ширилось, крепло, росло вместе с ростом тревоги.

V.

На Волге был голод чудовищный, страшный, и умирали люди. А у склад в продкома как-то неожиданно выросли вооруженные всадники. Они, обезоружив охранявших склады продотрядников, завернули версту крестьянских повозок, потянувшихся было в путь, в губернию, в центр с хлебом, с мясом, с сеном.

Остановившимися, остекляневшими глазами смотрел из окна парткома на восставших коммунистов секретарь.

Лихорадочно горели глаза предуисполкома Ракая, и как-то странно мерил его беспокойным взглядом начполитбюро ЧК.

Сжималось сердце честного, преданного, но молодого, как его молодая организация, отсека

Припомнились все неосторожные слова и беседы с недумающим Антоном о тяжести продналога, об ошибках губернии. Звучит демагогическая речь Ракая на последнем заседании парткома и ловятся сочувственные взгляды обычно молчаливого партизана.

Все мелочи: четки и ясны.

Дальше он увидел, как у военкомата забегали уже вооруженные красноармейцы, как начполитбюро и Ракай одновременно вынули из кобур револьверы, как Антон кинулся с восставшим отрядом к вскинувшим винтовки красноармейцам и, выхватив револьвер, выбежал из парткома...

Началась стрельба и как-то сразу, и почти рядом, и далеко за селом.

По дороге с горы клубком покатилась пыль... Правей еще...

Село быстро окружали восставшие казаки соседних станиц.

Началась паника.

Когда Антон вбежал в партком, там никого не было. У стола в крови лежал начполитбюро, а у входа, справа, лежал с простреленной головой секретарь.

И впервые Антон растерялся, впервые он не знал, что делать, когда слышал выстрелы, впервые его отряд метался средь бела дня, не находя дороги, не зная, что делать.

И страница истории перевернулась.

Заковались пики.

С гор лавиной поплыли бандиты.

VI.

Антону казалось, что он еще свободен, что он где-то еще не то в секрете, не то в разведке, за кем-то следит, куда-то сам, вот, забрался и сейчас что-то должен сделать.

Когда его вели, он видел, как сорвали красный флаг с исполкома, как длинной шеренгой стояли заседланные кони его отряда, а рядом, толпой, стояли и сами партизаны, без винтовок, под охраной казачьей сотни.

И на всю жизнь запомнилась кривая улыбка Ракая. Он прошел мимо. Антон не взглянул на него, чтобы не выдать. Но, вот, он зашел в исполком, и, вот, он—Антон,—стоит, перед ним, и Ракай говорит ему:

— Ну, что, брат?

И хихикнул, и закашлялся, и потемнело перед глазами Антона.

А Ракай добавил:

— Посадите его пока здесь, при штабе.

И как вновь родился Антон Нагора. Старый, боевой партизан онемел от этих невинных слов. Ему почудилось, что седина пошла по его голове.

Ему, вот, сейчас припоминается, что он будто кинулся на него, но было-ли так—не помнит.

VII.

Антона вели на расстрел, но он думал сейчас не о том, что его убьют, а о том, правда ли все то, что он видел, и не снится-ли ему сон.

У опушки леса к нему подошел Ракай и сказал:

— Ну, Нагора, ты крестьянин, я тоже крестьянин. Ты боевой партизан, нужный для крестьянина человек. Давай начнем новую жизнь, новую борьбу. Ты меня знаешь—я всю жизнь боролся за народ, за крестьянство и сейчас борюсь за него вместе с тобой, вместе с нашей партией, партией—социалистов-революционеров...

И впились руки в горло.

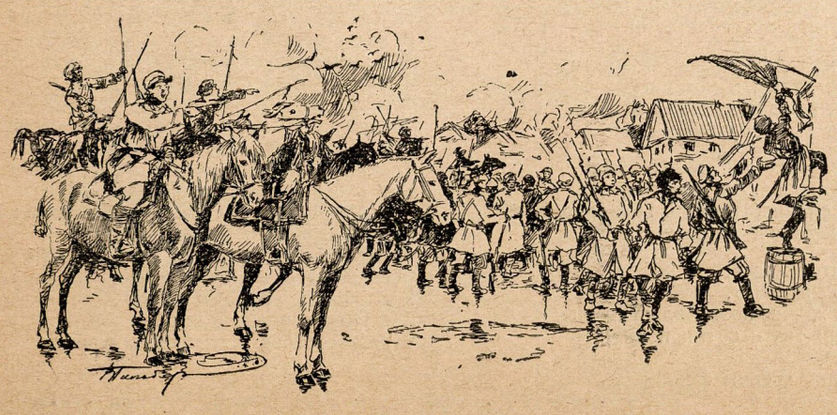
И так крепко, что, казалось, голова Ракая отделилась от его тела в руках Антона. Он ничего не чувствовал. Он видел только, как синело в его руках лицо, как выкатывались глаза Ракая из орбит.

Кто-то сунул в бок штык. И Антон почувствовал, как дрогнули, заслабели пальцы. Вот, еще раз пронзило его, и раскатистым эхом покатился залп по ущелью.

VIII.

Но разве умирали в Октябре партизаны?

Не умер и Антон. Когда поопомнился, то почувствовал, что ему больно дышать, что он не умеет, не знает, как и что надо сделать, чтобы двинуть хоть одним пальцем.

Антона вели на расстрел.

Кто-то сунул штык...

А в темноте, где-то рядом, у самого уха сыплется земля. Она попадает в глаза, в рот...

— Господи, Иисусе-христе, царица небесная, — слышит Антон,—да ты аль жив?

И хочется ответить, что жив, жив!

И, кажется, ответил.

Вот его подняли, понесли. Вот кто-то ему говорит, что их послали зарыть его в землю, что они уже зарыли вчера из его отряда десять человек, и что расстреливают больше утром, а зарывать посылают ночью.

IX.

Болело в груди, ныли незажившие еще раны, и не хотелось ехать домой. Шумела Катунь. Сияла белизной снегов вершина Белухи. Отряд давно скрылся за седлом *), а Антону хотелось боя. Хотелось умереть и не хотелось ехать к жене, к дому, где так много и так не нужно пролито партизанской крови

И он хотел мстить и убивать, и в то же время чувствовал, что никогда ему не отомстить главному—самому себе.

Он искал смерти, но пули летели мимо. Они решили, знать, что Антон должен жить без конца. И никогда у него не было такого желания быть в бою, как сейчас.

И только, твердо решив итти в Монголию, в Чугучак и там, раз навсегда, добить остатки банд, он пришпорил лошадь и догнал отряд.

X.

Дни в Октябре равны десятилетиям и равны минутам.

Чудеса истории нынче нипочем. И гроза генералов, грозный партизан Нагора, испытанный и закаленный в боях—мирно сидит с маленькой, маленькой комсомолкой за учебой, за одним столом в сокращенной школе политграмоты.

Ведь вздыблены все пути!

И миллионы мыслей, вопросов и слов, новых и незнакомых.

И 37 лет за плечами.

Тяжело, а жизнь гонит. И партия, и работа. Новая жизнь, и новое дело; миллионы, страна.

И тут же проклятое, ехидное: „довоевались, дожили, построили...

И хвосты, и затылки, очереди, спекуляция, волокита, кумовство, отчеты, формы.

... А партия-то! А в ЦК-то: Троцкий, Зиновьев, Каменев,

И снова политграмота, Маркс, Ленин, Плеханов, Бухарин! Сталин, школа, газеты, книги, доклады.

И хочется часто Антону, чтобы у него не одна была голова, а три. И чтоб в каждой свои полочки.

XI.

Был Антон секретарем ячейки, работал в Губзу, в ГИК'е, в Губздраве. Сейчас работает в Совнархозе. Получает 120 руб. Живет — люди завидуют.

---

*) Седло—горный перевал.

Но как-то странно ширятся глаза у Антона И хоть смотрит в них Авдотья, но ничего понять не может. А они такие стали, что взглянет иной раз, всю грудь обожжет. И что с ней, не знает Авдотья. Как будто всю жизнь Антона не видала И голосом он стал как будто тише И с каких это пор, она не заметила.

Не заметила Авдотья и того, с каких пор бережь Антона от чего-то стала.

Стала смотреть на часы, а там: то 2, то 3. А он все сидит. А ляжет и пошел с боку на бок до самого утра.

И напрасно Авдотья встанет чуть свет, наготовит гору лепешек, молока нальет, картошек нажарит—Антон пустого чая выпьет и уйдет до вечера, а то и до ночи.

XII.

Да подвернется иногда так какая-нибудь печатная безделушка и украдет у трудящегося человека час дорогого времени. У Антона сынишкин учебник отнял целый день.

Правда, он никуда не спешил, так как ехал в поезде и ехал на отдых. Но дело в том, что, ведь,—день прошел, а жаль стало Антону каждую минуту.

А в голове одни чеченцы, осетины, казаки, царь...

И какие-то странные слова еще: бамбуки, пальмы, кактусы, бананы, кипарисы. .

И солнце, солнце!

И здесь так хмуро, холодно. Вон, на полях—снега ..

И на полях были, верно, снега.

Лед, вот-вот, должен тронуть с[ь], пойти. И дул ветер в рамы, в щели, а Антону нечем было дышать, жарко.

Режет ножами грудь, дымятся раны, кончается жизнь,—и вспоминается прошлое.

Авдотья третий день сидит у его изголовья, обтирая мокрой тряпкой ссыхающиеся губы

Где то шумит в бетонных оковах мутная Кура и голубая Арагва, под Тифлисом. Тысячами огней горит в горах советская, Земо-Авчальская красавица электростанция, построенная по плану, принятому на 9-м с'езде партии

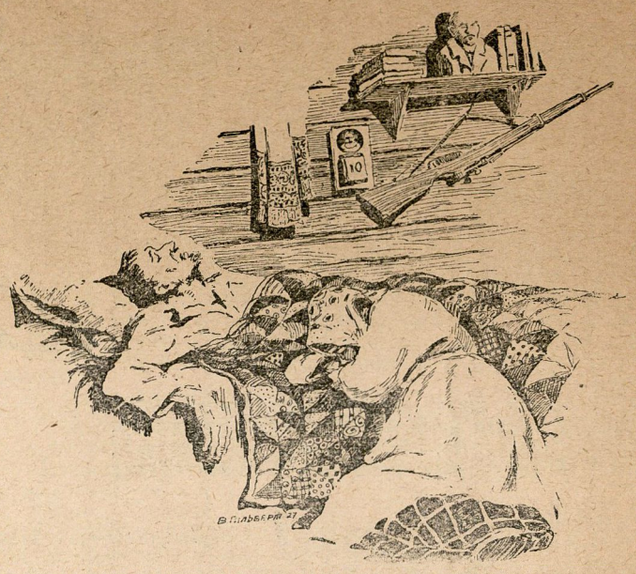
Высится бронзовый монумент Ленина.

И шепчут ссохшиеся губы Антона:

— „Вот, вот они—огни грядущего социализма!“

Работала Шатурская электростанция на 32.000 квт., Волховская—на 56.000, Штеровская — на 20.000, Земо-Авчальская — на 30 000. . Заработают скоро все 24 строющиеся и расширяемые электростанции СССР на один миллион двести тыс. квт...

И снова снег, ветер, пурга, ночь, долгая и тяжелая.

Замерла и жизнь Антона Нагоры — старого партизана.

XIII.

Уж высоко взошло весеннее солнце. Бегут ручьи под тающей корочкой льда. Задремала у постели умирающего мужа Авдотья. Ей тяжело неловко, а ему — нет. Антону совсем хорошо. На него с полки с книгами, приветливо улыбаясь, смотрит любимый Ильич.

Под окном слышна гармошка, под которую в ногу шагает рота красноармейцев.

Сладко заныло, забилось сердце старого, умирающего партизана.

— Ильич, Ильич! Я ...мы за тебя, за партию, за Россию—душу свою.. Ильич, друг, товарищ!..

За окном постепенно замерли звуки гармошки и четкие шаги красноармейцев.

Замерла и жизнь Антона Нагоры—старого партизана.

П о э т у.

Пролог к поэме.

Дай новый ритм для этой темы,
дай рифмы—звонкие ножи:
в строках эпической поэмы
спокойно не ложится жизнь.

Здесь день страны уздою вздыблен,
пришпорен жизни ровный ход,
здесь горизонт в боях задымлен,
пробит картечью небосвод.

Здесь, дымом солнце застилая,
пылал расстрелянный дворец.
Пройдя борьбу, борьбы желая,
вернулся выживший боец.

И, замотав портянкой язвы,
истекший кровью, политрук,
оборванный, голодный, грязный,
зажег огонь фабричных труб.

А после долгих лет лишений
и небывалого труда,
о новых битвах и стремленьях
поют победно провода.

Ты помнишь стих:
„... а те, кто вживе,
а те, кого оставил он,
страну, в будущем разливе,
должны заковывать в бетон“?*)

Пусть это пел не наш товарищ,
но, потрясенный, был правдив,
увидев в зареве пожарищ
истории локомотив.

Об Октябре поэм не мало,
из них правдивых—не одна,
в них часто эпика звучала,
но эпопея—не дана.

Один создать ее сумеет,
один поставит в ряд картин?
Нет, над бессмертной эпопеей
работать будет не один.

Не мало песен всякой масти,
и посветлей, и потемней,
но не рожден великий мастер
и нет Гомера наших дней.

О тех, кто дал эпохе славу,
О них напишет кто, скажи,
так сильно, просто, величаво,
как величава наша жизнь?

Родится мастер.
Петь захочет,
даст жизнь поэме властно он
А я, и ты, и сотни прочих
пока —
усердно красим фон...

*) Цитата из стихов Есенина.

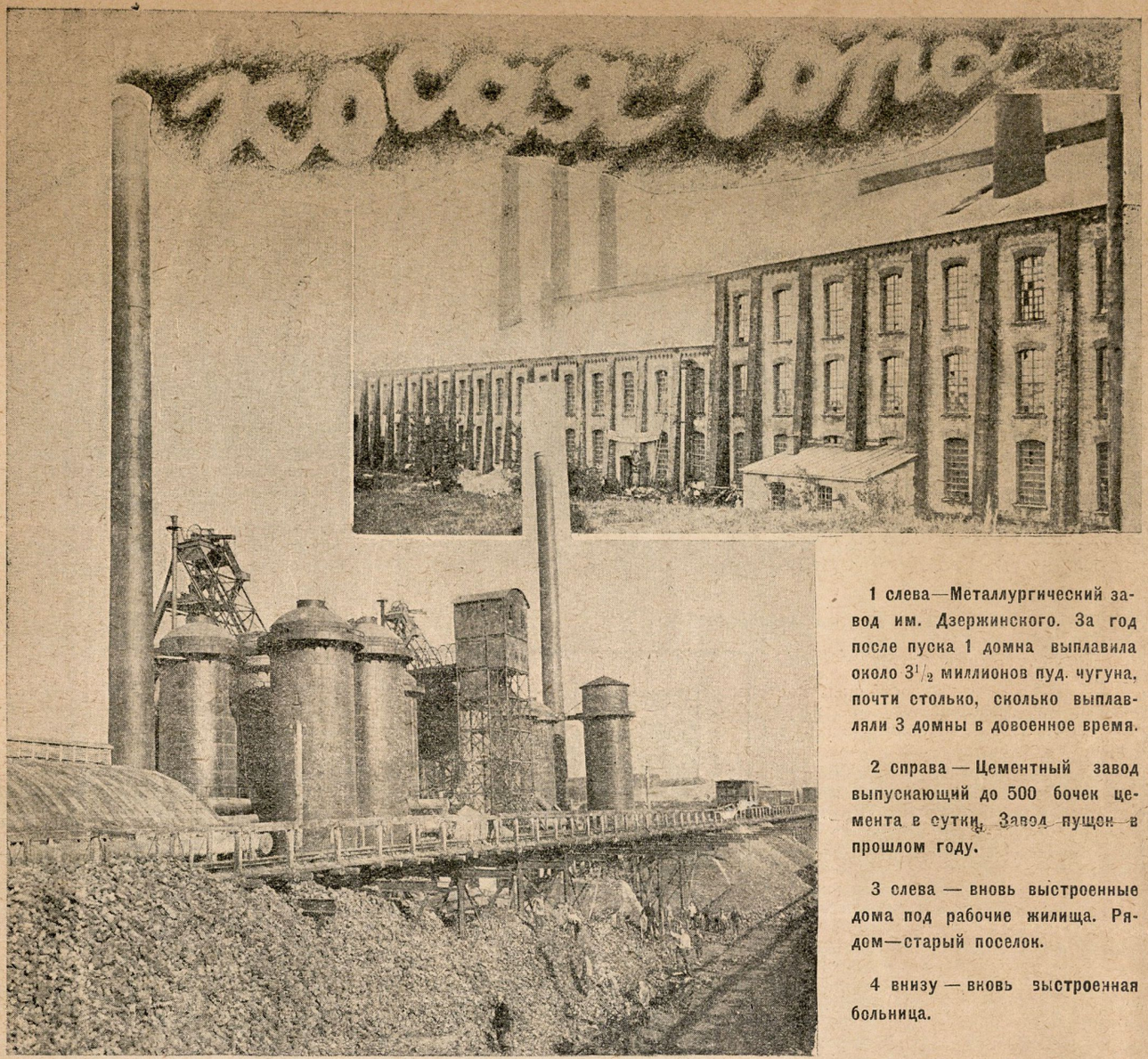
Измаил Голубев.

Простой рассказ.

Мне было лишь восемь. Нельзя за ворота...
Отец попрощался, за дверью исчез.
На улице выстрелы...
Звали кого-то.
Я на подоконник настойчиво влез.
По всем мостовым, площадям и панелям
Под знаменем толпы, авто и шинели.
Как льдины на вешнем разливе реки,
Под гром проплывают грузовики.
...Далекие годы! Далекие были!
Мешочники. Голод. И грохоты боя...
Атаки затихли, винтовки застыли.
Поля задремали под тишиною.
В 20-м году на неласковом поле
Под пулей сгорел мой родимый и близкий.
И вот — серый камень на сером угоре,
Над камнем кусты наклоняются низко.
Я был на могиле отцовской...
Погостом
Пробрался к обрыву, прислушался к степи.
Так грустно-красиво, так тихо и просто:
Тропинка, валун и листвы робкий лепет.
Как лебеди, медленно пышные зори
Плывут над лозин разбежавшимся стадом
Я чую, что если и выпало горе,
То это затем, чтобы выпала радость .
Осеннее ль солнце так молодо парит,
Иль кровью бурлящей сердца закипают?
Прекрасное, звонкое слово «товарищ»!
Чудеснее слова и сказки не знают...

Ив. Костин.

Фотография В. Сэпп.

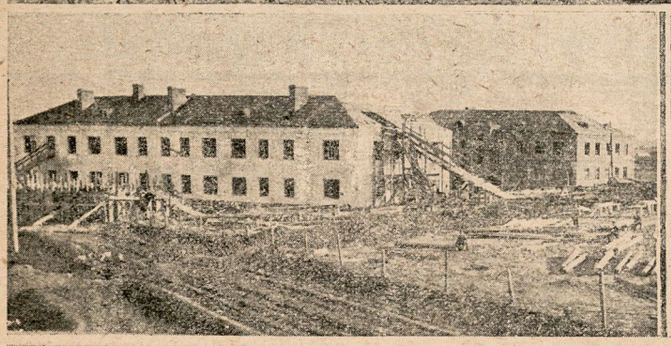

1 слева—Металлургический завод им. Дзержинского. За год после пуска 1 домна выплавила около 3½ миллионов пуд. чугуна, почти столько, сколько выплавляли 3 домны в довоенное время.

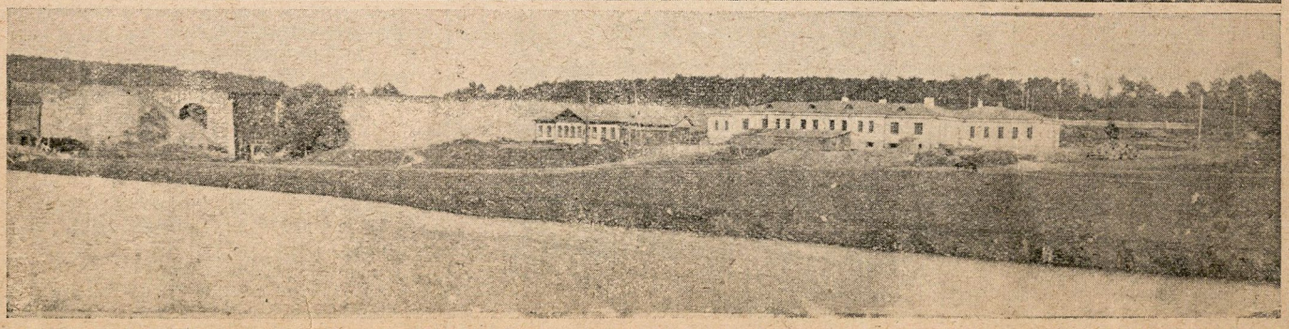
2 справа — Цементный завод выпускающий до 500 бочек цемента в сутки. Завод пущен в прошлом году.

3 слева — вновь выстроенные дома под рабочие жилища. Рядом—старый поселок.

4 внизу — вновь выстроенная больница.

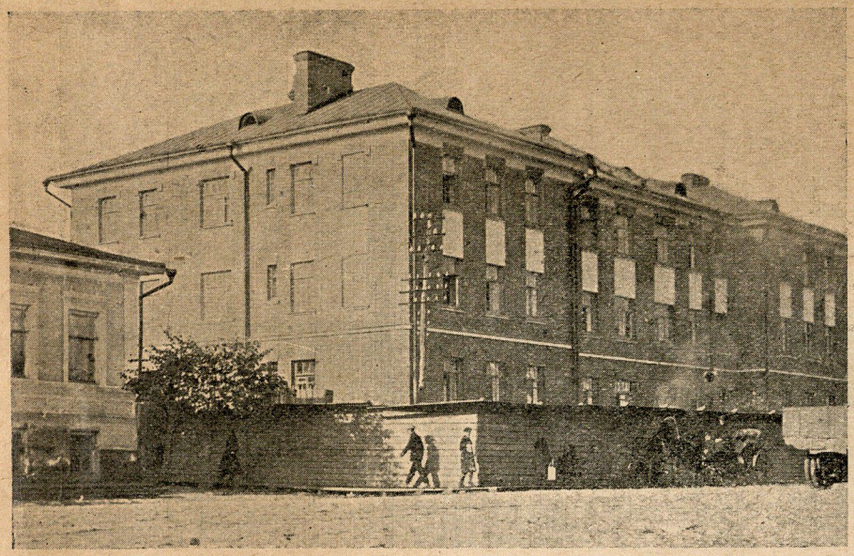

Город растет.

Очерк К. Шапошникова.

Фот. В. Сэпп.

Дом завода № 1 по Октябрьской ул.

Тесно городу. И он ширится за свои границы, в которых находился сотни лет.

Ширится на север, на юг, на запад..

За городом на косогоре вырос Рабжилстрой — новый рабочий город, протянувшийся до зеленой стены леса.

10 трехэтажных гигантов вместили более 600 рабочих семей. Они пришли сюда, в светлые уютные комнаты,— из сараев, подвалов, из полуразваленных лачуг без света и воздуха — от вечных ругательств домохозяев.

Пришли в свои квартиры — с водопроводом, электричеством, канализацией и паровым отоплением...

Не будем много об этом говорить. Послушаем, что говорят сами жители Рабжилстроя.

Чикарева—работница Медно-прокатного завода—говорит:

„Раньше я у хозяина квартиру занимала — в ширину 3 шага, в длину — 5. Комната — поставить койку, стол и стул и все. Платила за нее 5 руб. в месяц, да зимою в месяц дров на 7 руб сожжешь бывало. А здесь, примерно, за сентябрь месяц я уплатила вместе со стоимостью воды, света и канализации — 3 руб. 10 коп. Зимой отопление будет на 2 руб. дороже; но зато комната то 30 слишком кв. аршин— и главное,— ни тебе ругатни с хозяином или хозяйкой,—сама себе хозяйка"!

На вопрос, как живете, хозяйка говорит:

«Да уж не так, как жили: в церковь не ходим и к нам попы не заглядывают, кадилом не коптят белые потолки. Летом в праздник днем в лес идем. Под боком лес-то. Вечером — кино, спектакль, лекция. Сейчас вот клуб отремонтировали (правда, тесноват), красный уголок есть — газеты почитать, в шашки мужикам поиграть...

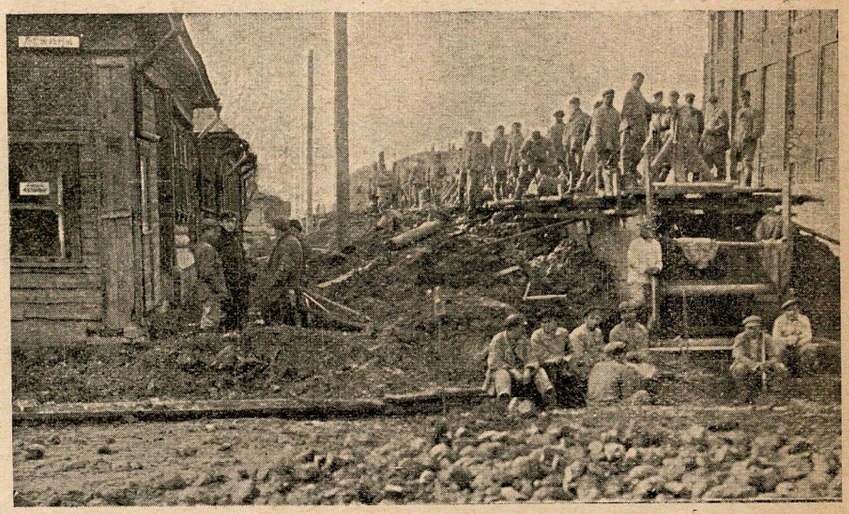
Так строится, вместе с городом, новый рабочий быт.

Рабочий город растет. Кроме заселенных 10 домов на Рабжилстрое в нынешний строительный сезон выросли еще 4 трехэтажных дома. Они сейчас в паутине лесов, —в них кипит строительная работа: стучит кровельщица, тяпают топорами плотники и по лесам, взад и вперед, бегают десятники, техники.

Будущей весной оживут и эти дома. Темные провалы окон зальются электрическим светом.

Но и это не все: в будуший строительный сезон вырастут еще 6 таких же домов.

Рабжилстрой растет!

Каналстрой. Прорытие главной магистрали.

* * *

На других окраинах — новые строительные всходы.

По Калужскому шоссе к самой железной дороге подошел новый поселок. До сотни домов построено трудящимися гор. Тулы.

За Московской заставой, на белых ямах, как грибы, растут домики индивидуального строительства.

До 50 домов построено за год в разных местах города.

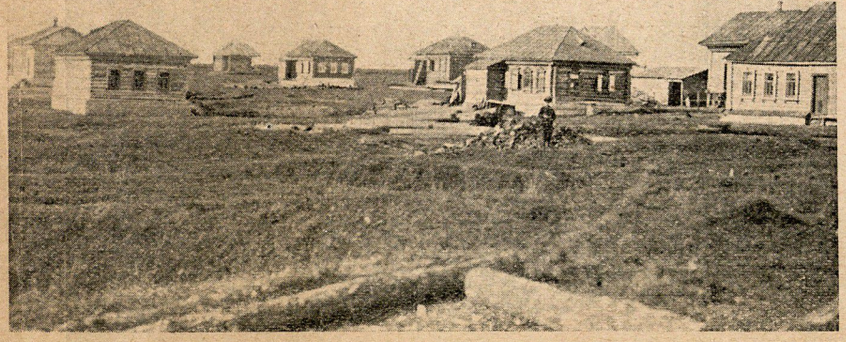
У одного новенького домика копошится женщина.

Трудно строиться?—спрашиваю.

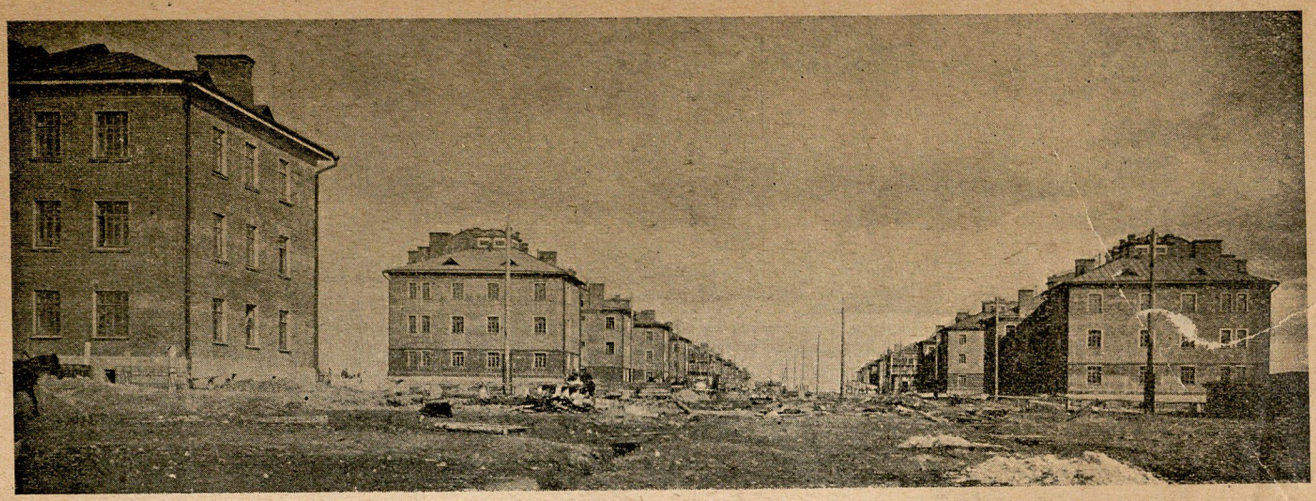
— Трудно, конечно...— Лицо озаряется горделивой улыбкой.— Кое-что продали, заложили. Горбанк помог: по кредиту взяли 1000 рублей. Выстроились... Ничего... Оправимся...

— Это на окраинах.

В центре города также полным темпом идет строительство. На Октябрьской в ны-

Домики частного строительства.

Рабжилстрой. Корпуса, возведенные в 1925-27 г. для рабочих медно-прокатного завода и завода № 1.

Поликлиника в Чулкове, построенная в 1925 г.

нешнем году построен 27-миквартирный трехэтажный дом завода № 1,—в который вселяется более 300 чел. рабочих завода.

Строятся 2 дома Коммунхоза, строится дом Горбанка и т. д., и т. д.

В Чулкове, на ул. Марата, белая, как кипень, возвышается гордость Чулкова — поликлиника, построенная в 1925 году. При поликлинике оборудован рентгеновский кабинет, профдиспансер и электроводолечебница. До 1000 чел нуждающихся в медпомощи проходит ежедневно через поликлинику. Да и сама улица Марата, где тонули проезжие и прохожие в непролазной грязи— сейчас от начала до конца оделась камнем.

— Город растет!

* * *

Но не только в строительстве растет город Чтобы оздоровить почву, чтобы не загрязнялся город нечистотами, не загрязнялась вода,—ведутся колоссальные работы по канализации города.

Люди, точно муравьи, копошатся в канавах,—прокладывают сточные трубы. Ухают копры на водной станции в Заречье, гудят паровые насосы. За Курской железной дорогой на громадной площади идет постройка Биологической станции. Устанавливаются 8 громадных бетонных колодцев по 700000 вед. каждый, в которых вода с нечистотами будут обезвреживаться.

Сейчас здесь, как говорится, «Мамай воевал»: груды бревен, камня, земли, трубы.

Так для себя, своими руками, мы закладываем здоровую жизнь!

Новая стройка, о которой несколько лет мечтали туляки, это — трамвай. Из года в год говорили на собраниях рна гос писали рабкоры в газетах—нужен трамвай!

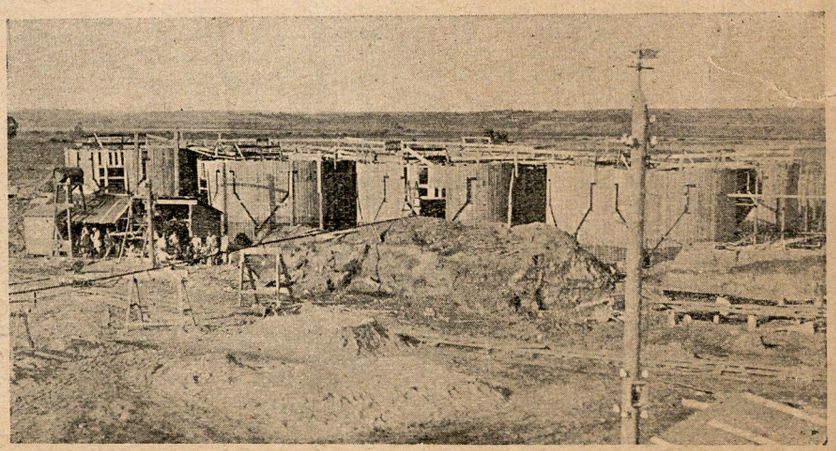
И вот к 10-й годовщине Октября осуществилось наше желание: от Толстовской заставы до Курского вокзала протянулись рельсы, встали столбы, раскинув металлические руки, запели провода, и, зажигая синие огоньки на проводах, побежали один за другим новенькие вагоны, звеня звонками и гремя колесами о рельсы.

Скоро рельсы скуют все улицы города, и во все концы Тулы,— и в Чулково и в Заречье,— торопливо побегут трамвайные вагоны.

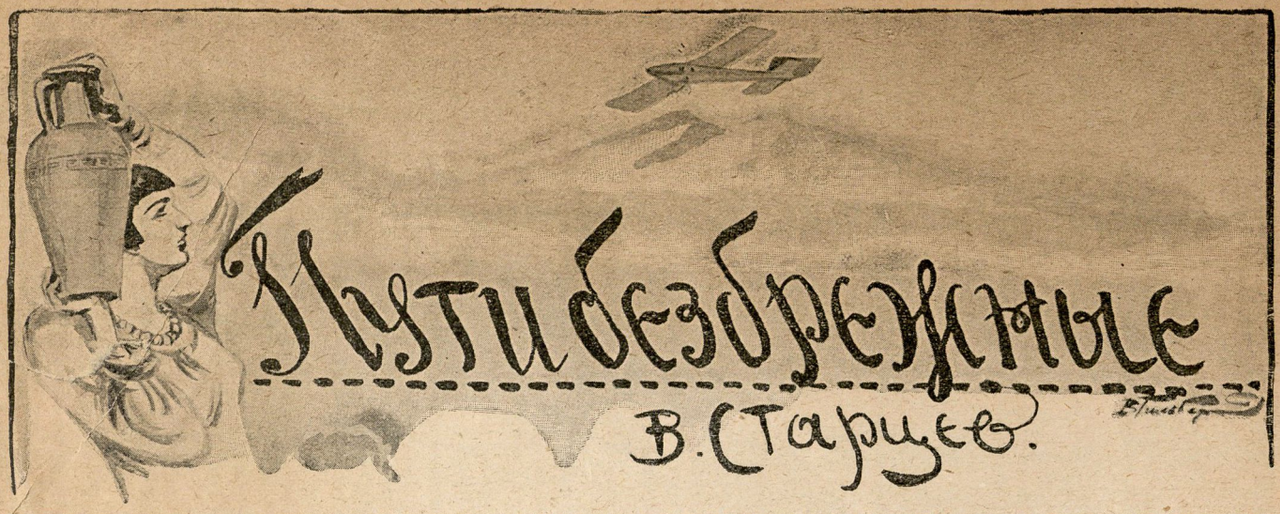
Мы строимся..

Город растет!

К. Шапошников.

Каналстрой. Постройка биологической станции.

Пути безбрежные

В. Старцев.

1.

Сергея Макарова, пилота авиации, в эту загадочную, вечно зеленую страну, командировали с туманных берегов Балтийского моря,—Молчаливо в густо-заросших горах. И жизнь здесь, точно путник под тенью в зной, кажется остановившейся и задремавшей под ласками теплого ветерка.

В этой, почти тропической местности, где, кажется, нет и закона времени, где неизменно — море и горы и вечный зной, Макаров не знал, куда себя деть. Он бесцельно бродил по курчавым склонам гор, прислушиваясь к звону цикад и ни о чем не думая. Встречавшиеся смуглолицые абхазцы равнодушно смотрели на его белобрысое широкое лицо, продолжая свой медленный путь на неизменных буйволах.

Макаров как-то забрел к перевалу Из зарослей бамбука и чинар, увитых лианами, перед ним вдруг выросла плетневая сакля абхазца. Вид этой сакли был настолько убог, что х зяин ее, кажется, проезжая длинный путь, остановился зд сь на время. (Вообще Макарову казалось все человеческое здесь—временным, занесенным мимоходом). Около сакли, обрезая сухие ветви плодовых деревьев, возится старик с поседевшими усами и горбатым, точно у хищной птицы, носом. Стены сакли увешаны широкими листьями пахучего табака.

Макарова давно мучает жажда. Он, приподняв кэпи, попросил у старика воды.

— Вода нет,—ответил старик, бросив работу,—девка ушел за водой.

— А далеко у вас вода?

Абхазец махнул рукой в сторону гор.

— Верстов две будет.

Он подошел к новому дереву, сорвал несколько сухих листьев и, подумав, добавил:

— Сейчас придет; он скоро ходит...

Срезав с ловкостью несколько негодных сучьев, абхазец пристально посмотр л на Макарова, всунул в портупею за поясом ножик и вдруг спросил:

— Ты не знаешь, кто войной хочет на нас? Дочь комсомол, дочь обманывает старика, а сам стрелять учиться ходит...

Макаров, насколько мог, постарался об'яснить старику теперешнее положение СССР. Он не заметил, как из густоты теней, заслонявших собой солнце зарослей, вышла молодая, черная, с подстриженными волосами девушка. Она держала на плече огромный глиняный кувшин и смеялась, сверкая белизной зубов.

— Вот товарищу пить надо,— сказал старик, указывая на Макарова.

Девушка налила в глиняную кружку янтарной воды и молча подала Сергею, не переставая улыбаться. Макаров жадно выпил холодную воду, облегченно вздохнул и неловким движением сделал поклон. Девушка с кувшином быстро исчезла в сакле.

Старик кивнул в ее сторону головой.

— Отчаянный... Такой отчаянный!.. В горах гуляет один, шакал стреляет один...

Когда Макаров уходил от сакли — мимо него, по крутой тропинке, промчался всадник на бойкой горной лошадке. И во всаднике Макаров узнал черную девушку с развевающимися подстриженными волосами.

2.

На берегу моря, у подножия Орлиной горы, где гнездится аул, где назначен митинг и агитполеты,— собирались смуглые, в черных Чалмах, абхазцы. Неподвижные, как статуи, они слушали речь молодого оратора. Он стоял высоко на буром камне и подаваясь вперед гибким корпусом, бойко бросал непонятные Макарову слова.

Лишь по отдельным знакомым словам Макаров догадывался, что речь идет о грозившей Советскому Союзу,— значит и им, Советской Абхазии,—войне. Он с интересом наблюдал за этими спокойными горными людьми, у которых лица черней, чем эта высушенная солнцем земля...

И пока говорил оратор, не пережил ли каждый абхазец в своем упрямом спокойствии героическую борьбу и с римлянами, и с греками, и с турками? И, наконец, борьбу с русскими, длившуюся не один десяток лет? И не потому ли так блестят пронзительно, точно сталь, глаза абхазца?

Кто знает налитые смолой в тропических зарослях Абхазии ночи?

Кто знает силу лучей полыхавшего над самою головой солнца с синего, до боли глаз, кавказского неба?

Кто знает ослепительный блеск расплавленного на солнце синего моря?

Не эта ли чернота ночи, огонь лучей и блеск моря потонули в пытливых, наполненных мудрой жизнью, глазах абхазца?

Тропическая растительность — самшит, сохранившаяся на Кавказе за миллионы лет, крепко коренится в скалах.

По белому пыльному шоссе, где ежеминутно пролетают автомобили с курортниками, медленно, точно обреченные на вечное скитание, тянутся буйволы, запряженные парами в арбу. На вид дикие, с щетинистой головой и рогами—черными полумесяцами, буйволы очень тихие, но сильные животные. В их медлительности — как бы тоже затаенное, присущее здешней природе, упрямство. Видя их низко-наклоненные головы с суровым взглядом неподвижных глаз, так и кажется, вот, вдруг, рванутся они и понесут, сокрушая все на своем пути...

Но медленно тянутся буйволы, протяжно скрипят огромные тяжелые колеса арб (древних, как сама страна — Абхазия) ничуть не изменившихся за тысячелетия. И в арбе спокоен, как черное изваяние, абхазец...

А шоссе, змеившееся по склонам гор, среди темных зарослей чинар, дуба и бамбука, сплетенных лианами в густо-зеленые пирамиды, похожие на дворцы,— все уходит и уходит в бесконечность. Бешено ныряют по сторонам автомобили, перекликаясь сиренами.

А по сторонам мелькают белеющие на склонах гор дачи и санатории.

Приветливо трепещут под легким бризом широкими зелеными лапами пальмы и пики кипарисов колят синеву...

. . . . . .

Макаров не заметил, когда (потому что это произошло в одно мгновенье) к его груди был приколот маленький, похожий на бабочку, бантик. Смуглая девушка, которую он встретил в горах, стояла перед ним с большой кружкой и расцветшим красными бантиками щитом. Энергичным кивком она стряхнула с лица упавшую с головы черную прядь волос и, сверкнув улыбкой, выставила вперед кружку. Макаров, доставая деньги, смотрел на девушку с спокойной улыбкой; обратил внимание на значек Доброхима на ее груди. Когда деньги брякнули в кружку, девушка, метнув зарницами глаз, поблагодарила Макарова кивком головы. Макаров торопливо козырнул в ответ, осклабив в улыбку свое широкое лицо...

Митинг кончился, начались полеты. Садились летать: молодой оратор и эта девушка с короткими волосами.

Взревел пропеллер, взмывая в синеву. Кругом бесконечная пустыня воздуха и моря...

Ина (так звали девушку) восторженно смотрит в солнечный простор и ей кажется: самолет, качаясь в провалах, уносится по безбрежному пути за край земли,—к солнцу. Впереди бесконечная синяя пропасть, только где-то внизу, на поверхности слегка волнующегося моря, сопутствует самолету черная птица его тени. А дальше, утопая в бездне опрокинутого неба, затерялась голубая точка его отражения.

А море! С какой горы оно видно так?!

Море вздулось до неба. И горизонт, куда ни бросишь взгляд, кажется высоко поднятой к солнцу горою. И залитая солнцем громада вод — будто горящий поток с бесконечного горизонта. Вся эта синяя бескрайность водных громад тяжело качается, то стремительно обрываясь вниз, то вздымая кверху до середины неба, будто хочет стряхнуть, точно пылинку, самолет...

А Макаров, сутулый и широкий, в тяжелой, будто чугунной, кожанке и кожаной ушанке, из под которой выползают упрямые русые кудри, спокойно следит за обманчивой поверхностью моря, ровно налегает на руль и самолет послушно идет по горизонтальной морю линии. И в этой наполненной солнцем безграни синевы он чувствует только работу мотора,—дыхание металлической жизни,—созвучное с его жизнью.

Сейчас он наверное забыл, что рядом с ним находится черная девушка, с зарницами в глазах. Первый друг ему в небе —самолет. Каким-то каменным спокойствием наполняется Макаров во время полетов. Точно это не он меряет пространство по нескольку километров в минуту, а все, что под ним, грузно колыхающееся вдали, проносится вихрем, а он только неподвижно повис в пространстве, омываемый сильною струею ветра. Время для него здесь, кажется, не существует. Оно также необъемлемо и неизмеримо здесь, как и эта глубина неба.

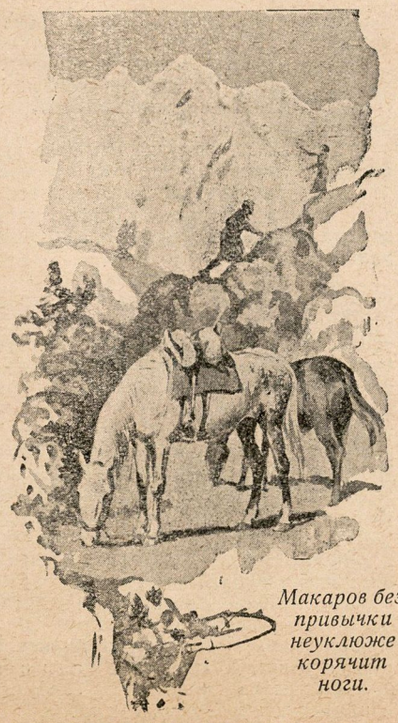
Когда терялась внизу черная точка отражения, и гора водяных массивов уходила в небо стеной, Макаров, повертывая руль, дружески говорил самолету:

— Далеко забрали, дружок. Давай подтянемся.

И самолет падал навстречу вздутому огромному потоку вод, незаметно подаваясь к горизонту...

3.

Сегодня Макаров отправился на перевал верхом на лошади. Узкая тропинка круто, зигзагами поднималась вверх. Вот и знакомая сакля с виноградниками. Старик не спеша развешивает по ее стенам лапчатые листья табака. Сергей посмотрел в зелень виноградников, в сумрак сплетенных лианами деревьев, и кого он хотел увидеть, нигде не было. Раскланявшись со стариком, Сергей вскачь поехал дальше, оставив саклю где-то внизу, в зеленой пропасти.

Макаров без привычки неуклюже корячит ноги.

Гиганты деревья хорошо защищают от жгучего горного солнца, которое, кажется, спускалось все ниже и ниже. Вот и перевал. С него стало видно море, без конца, — громоздившееся горою. Тропическая растительность позади. Кругом голые скалы.

Позади—море.

Впереди—Кавказ,—

— желтый, скалистый, весь залитый солнцем, а далее туманно-синий и где-то серебристыми облаками теряются вдали снежные гряды гор. У подножия перевала, на дне котловины, гнездятся аулы. Орлиная скала высоко уходит в небо. На самой ее верхушке Макаров заметил всадника. Вглядевшись, он узнал Ину. Она тоже заметила Макарова и звала его к себе косынкой. Макаров повернул к скале. По узкой, каменистой тропке, круто падающей с вершины скалы, навстречу к нему спускалась Ина. Приблизившись, она сверкнула зубами и, показывая на белеющую вдали цепь, крикнула:

— В горы!

Ударила хлыстом тонконогую лошадь и поскакала вперед. Вслед за ней поскакал Макаров.

Девушка налила в глиняную кружку воды и подала Сергею.

Продираясь из туманной дали, цепью приближались горы. Вот за первой горой, с двумя верблюжьими горбами, встал ровный конус, заслонив своей громадой все впереди. Всадники огибают гору по ее склону, заросшему кустарником. Преодолевают гору, а навстречу, из синей дали, еще грандиознее, сами призрачно синие, точно облака, встают новые и новые горы.

Где дорога ширилась, всадники ехали рядом. Ина говорила бойко и легко, хоть и ломала слова по своему. В разговоре шутили, смеялись.

Ина спрашивала:

— Вы еще не были в белых горах?

— Нет, я только читал.

И, вспоминая что-то, добавил:

— Я думал тут люди только и делают, что воюют друг с другом, режутся на ножах и в пещерах прячутся, а оказывается, совсем мирно живут.

Она звонко рассмеялась. Где-то серебряной струей падал между скал ручей. И мертвые скалы оживали. В густой синеве неба над скалами парили орлы.

— Так и пишут в книжках про нас? — спросила Ина, насмешливо блеснув глазами.

Сергей смутился.

— Это так давно писали... про черкесов, чечню...

— Вольный народ'—тряхнула черной головой Ина.—И дрались за свою волю!

Она ударила хлыстом коня. Конь вынес ее на вершину плоскогорья. Снежные горы, нагроможденные в беспорядке, иссиня белые, встали перед ними всей своей громадой, ослепительно блистая на солнце. Горы у самой их подошвы обволакивают белой дымкой, точно седые локоны, облака.

Всадники промчали равнину плоскогорья. Оставили лошадей и стали взбираться на снежную гору пешком. Скользят ноги по снегу. Макаров без привычки неуклюже корячит ноги. Ина, хохоча, взяла его за руку, бойко карабкается по оледенелым уступам.

— Ну, скорее!... А говоришь, у вас полгода кругом снег.

— Да у нас он ровный, как на ладошке, а тут шею можно свернуть.

Ина смеялась. Скоро они выбрались на снежную равнину и, держась за руки, пустились бежать, не чувствуя устали. Звенели под ногами корки льдинок. Звенел и встречный ветер по снеговым горам.

Макаров споткнулся, оба покатились по снегу и громко, беспечно рассмеялись.

Чувствовали себя легко на прохладном горном воздухе. Щеки горели. И сутулому, малоподвижному Макарову в это время хотелось кувыркаться, как ребенку.

Ина стояла неподалеку и дразнила его смехом. Макаров поймал ее. Она ловко выскользнула из его сильных рук, отбежала, взяла ком снега и бросила в Макарова. Холодные струи

побежали у него за воротом. Новый ком разбился на его груди, образовав белую звезду. Ина заливалась смехом. И в смехе ее зубы мелькали снежной белизной. Макаров стал отстреливаться. Полетели встречные белые комья. Ина ловко увертывалась. Макаров белел в снегу. Он скоро наловчился, и белые пятна снега появились на юбке и кофте Ины.

Уставшие, они сели на большой камень, старательно отряхнув друг друга. Сидели, дружески положив друг другу руки на плечи.

— Какая же у вас чудная страна,—заговорил Макаров.—Жара и... снег. Пустынная страна... Чем же вы живете? Яблоками?

— Разве плохо у нас?—пытливо взглянула на него Ина.

— Нет. Жизнь такая... Как буйвол тащится. Раскачать ее надо!...

— Жизнь другая стала,—серьезно ответила Ина. — Ты видишь, не одни буйволы, —у нас и автомобили бегают по шоссе. Табак, сушеные фрукты, вина увозят. У нас и фабрики есть: сушеных фруктов, табачная. Электричество скоро по аулу проведем... Пусть пока буйволы у нас. Будет больше автомобилей— и буйволы будут ненужны! — закончила она, тряхнув Макарова за плечо.—Только не мешали бы нам!

... А тем временем незаметно по ущельям крались тяжелые сырые облака. Небо за горами чернело. И эта чернота густым потоком заполняла пространство неба, грузно надвигаясь по горам. И горы, одна за другою, окутывались чалмою черных туч...

Ина тревожно вскочила с камня.

— Скорее! Обратно!... Ураган идет!

Они спустились к подножью, сели верхами и поскакали обратно.

Позади, в горах, раскатывался гром. Раскалывалось молнией небо позади.

Вот показалась, спрятав свою вершину в тучах, причудливая, точно замок, Орлиная скала. Промчались мимо. Перескочили за гриву перевала; потонули в густоте тропической растительности, где уже сгущался мрак. Рванул упругий ветер; зашумели, затрещали деревья. Макарова качнуло в сторону. Он крепче натянул поводья, точно приковывая себя к седлу, и пришпорил лошадь.

В темноте он услышал голос Ины:

— Тише!... Держись!...

Ударил ливень. Под ногами лошадей зажурчал поток; захлюпали в воде копыта. Небо беспрерывно бороздилось молниями; раздавались оглушительные удары грома, точно рушились высокие скалы.

В свете молний Макаров видел впереди себя Ину. Она оборачивалась и, вскидывая головой, кричала:

— Держись за мной! Не свались!

В стороне, при свете молний, открывалась пропасть, покрытая зарослями. Лошадь Макарова шла, осторожно ступая, положив свою голову на круп идущей впереди лошади.

Новый удар сотряс воздух, молния ослепила глаза. Макаров слышал и чувствовал на себе удар ветвей верхушки свалившегося дерева, чувствовал, как падал по крутому склону, как по пути ухватился рукой за ствол дерева. Вмиг, при блеске молнии, он увидел спускавшуюся к нему Ину. Ина кричала:

— Руку! Давай руку!

Он взялся за протянутую ею руку, и оба, цепляясь за встречные стволы деревьев, скоро выкарабкались на тропинку...

Из гущи тьмы и деревьев прорвался огонек. Вот и сакля, окруженная виноградниками. У двери стоит старик с фонарем. Поставил фонарь у порога и бросился навстречу дочери. Он что-то говорил скороговоркой на своем языке, хлопая себя руками по бедрам. Ина ему звонко отвечала. Вошли в саклю. Успокоившись, старик стал улыбаться, качая головой и изредка хлопая себя руками по бедрам...

Скоро они втроем сидели за низким столом. Макаров выпил большую глиняную кружку вина, закусил холодным бараньим мясом.

А старик рассказывал.

— Грузинский князь шел на нас. Сады его мы брали: большевик велел. Стрелял аул князь Потом мы бросали аул, шли в горы.

— Такой ураган был. Буйвол сильный. Горы проедет—ничего. Ураган—ничего... Приехали в горы. Новый аул был в горах. Долго тогда били грузин; били и нас. Князя прогнали. Опять наш аул, наш сады, наш табак.

Но скоро старик стал жаловаться, что сады много, виноград много, но все стал дешевый. В городе—дорогой, но буйвол когда доедет? Буйвол долго едет...

— На аэроплане будем возить, — весело прозвенела ему в ответ Ина.

Старик только махнул рукой, улыбнувшись снисходительно на шутку дочери...

4.

Вчера и сегодня Макаров не видел Ины. Завтра он должен лететь к себе в Россию, и ему было жаль покидать зеленые аулы с смуглыми людьми, с которыми он так свыкся и сдружился.

Пошел на море. Сегодня оно густо синее и волнуется. Подымаются бугры волн, нарастают и грузно катятся стеной к каменистому берегу. Рушатся с ревом стены, окаймляя берег пеной брызг.

Макаров сел на большой камень, омываемый волнами. Рассеянно наблюдал, как волновалось море и кипел прибой.

Макаров сел на большой камень, омываемый волнами.

Что-то волновалось и кипело внутри у Макарова.

... Она знает о его завтрашнем отлете и не пришла...

... Ну, да, она ни на что не променяет горы, свою зеленую страну, с розами и магнолиями...

Макаров встал, расправил руки, быстро разделся и нырнул навстречу огромной приближавшейся волне, зарываясь в воду. Вынырнул, когда волна уже разбилась о берег, высоко бросив белый столб брызг. Огромные бугры, набегая, бросают Макарова вверх. Когда он скатывался в промежуток волн навстречу водяной пучине— скрывались и гористый берег и горизонт. Но новый холм волны вздымал его снова на свою пенящуюся вершину...

Так он плыл далеко, разбивая белые гребни, и не чувствовал усталости. Вскипавшие всплески гребней окатывали его с головой, соленая вода попадала в рот, и Макаров только громко отфыркивался.

На западе громоздились ярко красные кучи облаков, точно пловучие горы. Солнце, тоже красное, медленно погружалось в эту кучу, раскинув по морю золотой путь...

Вернулся Макаров к берегу, когда уже небо начало темнеть, зажигаясь точками звезд. Бледные змейки их отражений колыхались на море.

Макаров почувствовал себя облегченно, нахлынувшая было тоска прошла бесследно, и он бодрой походкой направился прочь от моря. Навстречу ему по тропинке крутого берега бежала девушка. Он узнал Ину. Она бросилась к нему радостная, чуть не сбила его с ног. Крепко сжала его руки и загадочно стала смотреть ему в глаза. Потом порывистым движением развернула лист бумаги и, попрежнему сияющая, подала его Макарову. Макаров всматривался в сумраке в крючки незнакомых ему письмен, потом внизу уже по русски прочитал, что Ина командируется в Ленинград, в авиошколу.

— Ина! Ты со мной! — выпалил радостно Макаров и, не сдержав восторга, приподнял девушку высоко крепкими руками..

... Черная тропическая ночь бесшумно ложилась над морем и горами. Расцвело море отражениями звезд. Горизонт полыхал далекими зарницами. И над горизонтом, из глыбы черного облака, ленивой черепахой выкарабкивалась желтая луна...

Утром вскочило радостное солнце вместе с поднявшимся гидропланом. И снова закружились и понеслись далеко внизу горы и равнины, кубанские степи и поля, пылавшие подсолнечниками; голубые змейки рек, села, связанные бечевками дорог, и каменные муравейники—города...

Вас. Старцев.

Проездом — мимо.

Рассказ Ив. Кожухова.

1. Разговор о „буржуях".

Как только весна, Яков Вавилов уходит из своей деревни в город на сезонные работы. Он—каменщик, незаметно затерявшийся в сотне ему подобных, пыльных и загорелых людей—строителей нового корпуса при заводе Строющийся корпус обнесен гигантским скелетом лесов, а по лесам в шуме и грохоте суетятся, работают люди.

Стоит Яков на лесах, высоко над суетящимся городом, и рядом с ним работает его земляк Спиридон, большой любитель рассуждать о буржуях. Спиридон, как и Яков, приходит в город по весне, и город каждый раз ошеломляет его своим блеском и напряженно кипучей жизнью. Здесь каждый день видит он все новых и новых людей — как мужчин, так и женщин — подобных которым он никогда не видит в деревне. Всех он расценивает как-то по своему, и даже руководителя работ, плешивого и бритого с толстым брюшком, Спиридон признает не иначе, как за буржуя.

— И дела на свете! — каждый раз говорит он, обращаясь к Якову,— смотрю я, смотрю в этом городе — опять эти самые элементы развелись... Как есть буржуазный класс...

— Как тебе сказать,— отвечает Яков,— ведь это наружность одна. И потом многие из них к строительству примкнули.

— Эту, брат, песню давно я слышу,—перебивает Спиридон, и в его серых глазах из-под запыленных известью бровей вспыхивают огоньки,—давно знаю! А только много среди этих буржуев от'явленных... вредных... Посмотришь иной раз на буржуйчика с пузом и, грешный человек, подумаешь: почему тебя, милый, во время не пристукнули? Али скрывался ты, али товарищем прикидывался?..

. . . . . .

2. Бывшие среди настоящих.

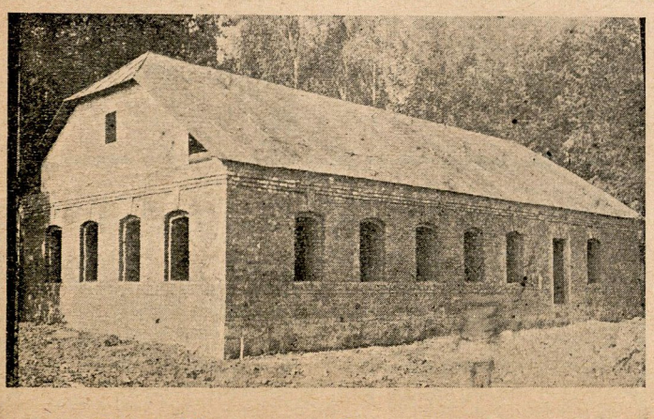
Деревня Бобровка далеко от города. Но и здесь в городе среди напряженной и пыльной стройки Якову нередко виделась она с извилистой, светлой речкой назади гумен, с широко раскинутыми во все стороны полями,— там золотыми, здесь ярко зелеными.

В деревне у Якова и семья, и хозяйство—домашние работы справляет жена, ей помогают—маленький сынишка и старик — отец.

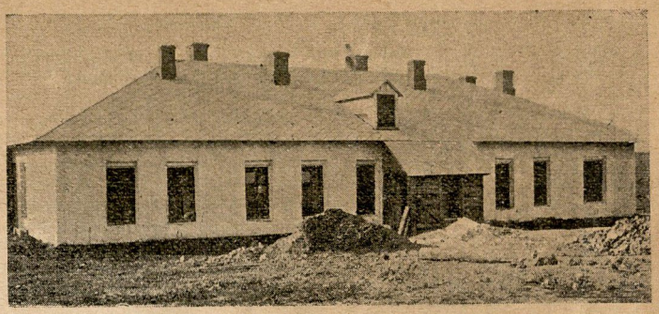
Выпали как-то два дня под ряд нерабочих. С вечеру Яков отправился на станцию, чтобы уехать в деревню.

На станции уже зажигались огни, по перрону разгуливала веселая, разноцветная публика. Вдали за городом догорала тихая летняя заря.— Яков вспомнил, что если быть в деревне, то заря эта догорает над лесом и, словно, с другой стороны.

Поезд, шипя и отдуваясь, подполз к дебаркадеру, публика засуетилась. Мимо самого Якова в тесноте протащилась компания человек в семь, с узелками и свертками в руках. Почувствовав непривычный для себя запах духов, Яков посмотрел на проходящих, — впереди он заметил толстяка, идущего под руку с молодой дамой в белом платье. Его оттеснили в сторону еще два толстяка, вспотевшие, с красными лицами, тянувшие за собой молодых и старых дам, среди которых одна была с тройным подбородком, напудренная и с серыми прядями волос. Яков невольно взглянул на нее с каким-то недоумением, а она на Якова—слегка испуганными и в то же время презрительными глазами...

Школа в дер. Янцево, Щекинского района, построенная крестьянами к 10-й годовщине Октября.

Клуб в селе Огареве, Щекинского района, построенный к 10-й годовщине Октября.

У Якова что-то екнуло внутри: эта напудренная особа напомнила ему их бывшую помещицу Бобровскую.

— «Она» — решил Яков, пробираясь к площадке вагона.

Поезд тронулся. Устроившись в темном углу вагона на лавочке, Яков размышлял: «Как же так? Ведь эта барыня тогда еще сбежала от нашего Комбеда неизвестно куда. Давно это было Неужели ее нигде не прикончили?».

Поезд расходился быстрее. Под стальной говор колес Якову вспомнилось прошлое.

3. Когда жизнь перевернулась.

Помещики Бобровские были крупными помещиками. Их родовое имение находилось при деревне Бобровке, бедной и приникшей к земле соломенными крышами избушек. Помещичьи земли и леса расходились на несколько верст кругом и не одну Бобровку, а десятки деревень сжимали неумолимыми барскими рубежами. Сам помещик служил в Москве, имением управляла помещица Варвара Сергеевна.

Мужики волком выли от малоземелья и по нужде снимали у барыни в аренду самые «бросовые», самые «неродимые» земельные участки. И, смотря на барскую роскошь, на барские просторные поля, мужики подтягивали собственные животы и вздыхали:

— Не жизнь, а погибель! Провала на этих кровопивцев нет.

Но провал на помещиков пришел.

Забурлила деревня, заговорила новым языком.

— Подравнение земли, реквизиция, конфискация, организация бедноты, — это были новые слова и новые дела всколыхнувшейся деревни.

К тому времени Яков Вавилов вернулся с фронта и, как был в шинели со следами черной окопной земли, так в этой самой шинели он и очутился за столом волостного Комбеда

С утра до ночи вокруг стола, за которым сидел Яков, теснились просители, требовали, галдели. Кто просил лошадь, кто хлеба, кто плужок и телушку одновременно, кто породистого петуха от кулака Матвея.

У Якова кружилась голова, рябило в глазах и в уши словно долбили молотками. Перо в его руке не повиновалось, — он с трудом выводил корявые надписи на бумагах. С одними он громко ругался, других уговаривал, а третьим возращал бумагу с своей надписью и говорил:

— Требование удовлетворяю Теперь к секлетарю иди, к технической силе...

4. Мечты и серая шинель.

По вечерам широкий двор усадьбы Бобровой наполнялся толпою баб и мужиков; многие из них были вооружены кольями и вилами Из пестрой толпы зипунов, армяков и рваных поддевок выделялась вперед крепкая, немного сутулая, фигура в шинели, со списком в руках, и тогда все барское благородство исчезало перед этим бедняцким воинством Помещица прыгала и шипела перед ними, как встревоженная наседка Она истерично кричала:

— Добро мое отнимаете, собственное...

— Собственного теперь нету, забудь, матушка! — напирал на нее Яков, — ты давай, не препятствуй законной власти.

— Нет у вас законов! И совести нету! Ох, Дарья, неси скорее ключи от амбара!

— И от кладовой, — напоминала шинель...

После этого барыня исчезла с дочерью неизвестно куда. Одни говорили, что она к сыновьям подалась на юг, в белую армию, другие уверяли, что ни ее, ни сыновей и на свете давно уже нет.

5 Кто из нас пережил больше?!.

«Она это повстречалась мне, али так почудилось? — продолжал думать Яков, когда уже поезд, скрипя тормозами, медленно подходил к той станции, где ему нужно было слезать.

— А, впрочем, дьявол с ней, и с барыней! — решил Яков и пробрался на площадку. Поезд остановился. Яков прыгнул со ступеньки вагона и через блестящие под фонарями рельсы направился к небольшому станционному зданию, потонувшему в темной зелени. На него пахнуло запахом поля. Он присел на один из зеленых диванчиков, прикрытый подстриженным кустом акации. Была уже ночь, в темном небе дрожали неяркие звезды, вдали трещал коростель. Впереди на путях, уходящих в темную даль, краснел огонек семафора, значит, путь был пока несвободен. Из вагонов остановившегося поезда выходили пассажиры и от нечего делать разгуливали вокруг, как и на станции в городе. Но Яков ими уже не интересовался. думы его теперь были о деревне, о том, каков урожай... Опять вспомнилась барыня...

— Тьфу! — И Яков собрался уходить. Не замечая его, сидящего в тени, на соседний диванчик опустилась парочка. При свете фонаря Яков узнал толстяка и рядом с ним даму в белом платье.

— Не правда ли, как здесь хорошо! — в полголоса произнесла дама. — А знаешь, друг, ведь это самые мои родные места.

Яков насторожился.

— «Уж не дочка ли это нашей помещицы, — догадывался он, — тогда, значит, та старая самая настоящая помещица и есть».

— Да, бывшие мои места, — продолжала дама, — я ведь тебе рассказывала, мы здесь в пяти верстах в Бобровке жили, в собственном имении... Золотое времячко было! (Якова передернуло). — Я еще небольшая тогда была... Незабвенное время! Каждый из нас, детей, свой собственный лес имел: в день рождения нам дарили. У меня тоже свой лесок был. Во-он в ту сторону!

— Все равно не увидишь, — про себя сказал Яков — все ваши лесочки и кусточки теперь в общественном пользовании...

— И сколько мы потом пережили! — вздохнула дама. — Революция... Голод .. У нас все отобрали. Наша судьба находилась в руках какого-то Комбеда. А там дикари сплошные, звери!

Якова затрясло. — «Уморить бы тогда тебя!» — заскрежетал зубами.

Но дама не унималась. —

После мы с трудом вырвались из своей Бобровки Жили в Крыму, все ждали, и вот видишь. —

— Все это, милочка, прошло, да не нужно вспоминать, — отвечал толстяк, — все это было, теперь не то..

— И может быть все к лучшему пойдет, не правда ли, друг? Я доверилась тебе, веря в свою счастливую звезду!

— «Опять никак в буржуйки метит?» — тихо сказал Яков, оставаясь незамеченным.

— Все пойдет к лучшему, ангел мой, — шепнул толстяк, — забудь старое.

— Верно... Это я так проездом мимо вспомнила. Забыть, забыть и эту Бобровку с ее Комбедом... Он нас чуть жизни не лишил. Особенно помню, главный там был: настоящий разбойник, зверь! Яковом его звали, кажется Вавилов...

Не помня себя, Яков очутился перед изумленной парочкой.

— Я самый и есть Яков Вавилов. Какой же я зверь и разбойник? Давай подсчитаем, кто из нас с тобой перенес и пережил больше?

Дама вздрогнула, уставила на Якова полные ужаса глаза и открытый ротик.

. . . . . .

Когда в вагоны снова вобрались все пассажиры, в том числе и парочка, потревоженная Яковом, поезд тронулся и пошел дальше, наполняя веселым гулом спящую окрестность. Яков посмотрел на мигавший сзади красный огонек, на стальные, широкие пути, блестевшие под фонарями, и подался к дому...

6. Мало ли кто проезжает...

В деревне Яков повидал родных, повидал сельского уполномоченного и рассказал ему о своей неожиданной встрече. Тот посмотрел недоверчиво, покачал головою:

— Чудно. Быть этого не может, чтобы они, помещики, то есть, и опять тут появились.

— Да не тут, а проездом, говорю тебе, проездом их повстречал.

— Ну, проездом — дело особое, — согласился сельский уполномоченный, — там мы не отвечаем. Проездом мимо они могут, сколько угодно, но чтобы сюда опять — это уж, брат, капут! Сейчас же приговор и — в губернию, пусть, мол, дальше проезжает!

Ив. Кожухов.

К читателю!

Социалистическая революция в России, свергнув капиталистический строй и всю управляющую буржуазно-чиновничью клику,—вызвала к творческой, созидательной жизни миллионы трудящихся масс.

На стройке социализма, в первых рядах, впервые в истории, рука об руку с наукой, техникой, искусством и литературой идет весь рабочий класс и крестьянство, преодолевая все трудности с помощью своего авангарда, коммунистической партии, а также и лучшей части передовой интеллигенции, отдающих рабочему классу, крестьянству, великому будущему всего человечества не только все свои знания, но и всю свою жизнь.

Партия и советская власть, поощряя всемерно всякое проявление творчества и инициативы, направленных на дело социалистического строительства, дают все возможности к развитию, к осуществлению, к практическому применению их в великом деле строительства новой жизни.

При помощи местной партийной организации, советской власти незаметно, но неизменно росла и растет на ряду со всем и местная тульская ассоциация пролетарских писателей. При помощи Губернского Комитета ВКП(б) и редакции газеты «Коммунар» сейчас местная ассоциация пролетарских писателей, вышедшая из рабоче-крестьянских низов вместе с Октябрьской революцией, в дни ее великой десятой годовщины выпускает свой первый номер литературно-художественного журнала.

На своих страницах журнал будет стремиться отобразить жизнь и быт трудящихся Советского Союза в условиях новых взаимоотношений: на производстве, в учреждении, в повседневной жизни, дома в семье и т. д.

Редакция журнала обращается ко всем писателям губернии, рабкорам, селькорам и начинающим писателям с просьбой присылать в редакцию свои законченные литературные работы и литературные опыты как для напечатания, так и для отзыва, которые будут даваться на все произведения организуемой при редакции журнала литературной консультацией из членой тульской ассоциации пролетарских писателей.

К читателям редакция обращается с просьбой принять самое активное участие в обсуждении качества как самого журнала, так и печатаемых в нем произведений, со стороны их формы и содержания.

Активное участие читателя в работе современного писателя залог его привильного развития, залог его роста, как писателя, как пролетарского художника великой социальной эпохи.

Наш пламенный пролетарский привет широким рабоче-крестьянским массам—творцам и строителям великого дела освобождения трудящихся.

Привет крепнущему пролетарскому творчеству!

Да здравствует великая 10 годовщина Октября!

Редакция.

Тов. ЧИТАТЕЛИ! При подписке на „КОММУНАР“ и „ДЕРЕВЕНСКУЮ ПРАВДУ“ не забудьте заявить уполномоченному по подписке о выписке журнала „**МОЛОТ**“.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на 1 месяц 10 коп., на полгода 55 коп. и на год 1 руб.

Четыре встречи.

Рассказ В. Питерского.

Рис. В. Сэпп.

Князь Саврасов Лоботрясов мрачно сидел в бывшей швейцарской под лестницей и грелся около закоптевшей «буржуйки». На дворе стоял холодный и серый ноябрь, было сыро, холодно, неуютно.

Около него, уныло склонив лохматую голову, полудремал бывший присяжный поверенный Демосфенов.

— Достукались с вашими дурацкими идеями,— брюзжал князь,— свобода, пролетариат, равенство, братство... закусывайте теперь вашу свободу гнилой воблой.

— Кто же мог думать, что из всего этого выйдет такой кошмар?— простонал Демосфенов.— Мы, меньшевики, ведь, совсем не того хотели..

— Не хотели, не хотели,— желчно передразнил князь.— Мне от того не легче, чего вы хотели, или не хотели! Я знаю только одно, что вы этими вашими рабочими да всякими интернационалами все уши прожужжали Хорошо же теперь отблагодарили вас ваши раб чие!

— Собственно, рабочие-то обмануты. Ведь власть-то захватила кучка узурпаторов.

— Почему же рабочие за вами не пошли, а за узурпаторами?

— Не знаю, не знаю,— в отчаянии хватаясь за голову, пробормотал Демосфенов.— Я нич...чего не понимаю.

— А я так очень даже хорошо понимаю,—взвизгнул князь —На собственной своей шкуре чувствую ваш пролетариат! Дом отобрали, вещи отобрали, имение сожгли и самого под лестницу, как кошку паршивую, бросили! Это меня-то—князя Саврасова-Лоботрясова, прадед которого у самой матушки императрицы Анны в шутах состоял!

— Ну, ничего, это, ведь, не надолго,— примиряюще заговорил Демосфенов:— месяц, другой пройдет, и власти этой капут Я в этом не сомневаюсь. Наши уже со всех сторон начинают вести наступление. Слышали, как они орудуют-то?

— Ох, скорей бы, скорей бы!— захлебнулся, бегая по комнатушке и спотыкаясь о дрова, князь.— Семь шкур спустил бы я с этих мерзавцев!

— К сожалению, пока шкуры дерут с нас,—кисло прогудел Демосфенов.

В дверь сильно постучали.

— Саврасов, вам уборную выгребать; приказ домкомбеда,— загремел за дверью чей-то голос.

Мы, меньшевики, ведь, совсем не того хотели...

— Не пойду! Убирайтесь к чорту!—истерически взвизгнул князь, подлетев к двери.— Господи, слышишь ты нас, несчастных? Видишь ты наши муки? — обратился князь к иконе в углу.

Икона молчала. Только сидевший на носу у богородицы клоп солидно перебрался на макушку младенца Иисуса

— Саврасов!—загремело снова за дверью, —председатель требует! А не пойдешь, так силой доставим.

Князь трусливо с'ежился и начал спешно натягивать на плечи пальто,

— Вы посидите немного, Александр Романович,—кивнул гостю князь,—я сейчас вернусь.

Через минуту он очутился на втором этаже, в своем бывшем кабинете, захваченном до овым комитетом. Каждый раз, при входе сюда, сердце князя обливалось кровью

Мебель была ободрана и поломана, на роскошном кожаном диване, из которого уже кто-то успел вырезать себе кусок кожи,

Каждый день была работа: уборка двора, колка льда...

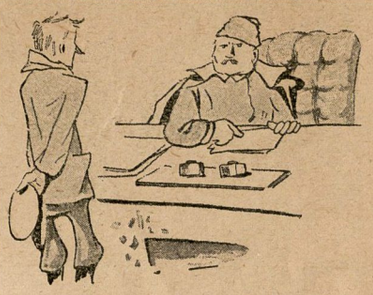
обычно сидели, развалясь, люди в смазных сапогах, яростно дымившие махоркой. Продранные холсты царских портретов кучей валялись в углу. Рамки давно пошли на растопку. Сукно с письменного стола пошло кому-то на штаны, а за столом находился председатель домкомбеда, самоварщик из подвального этажа Поддонов.

Поддонов только-что вернулся с Красновского фронта и сейчас ворочал большими делами. Впрочем, князя это мало интересовало. Князь знал только одно, что он ненавидит этого человека всеми силами души Поддонов был для него воплощением всей большевистской революции.

Вид у председателя был, правда, непривлекательный. На голове у него была фронтовая солдатская папаха, похожая больше на засаленную рукавицу, на плечи была накинута изодранная в клочья шрапнельным разрывом шинель, а из-под стола выглядывали безобразные «броненосцы» с небрежно навернутыми сверху обмотками. Раненая левая рука висела на грязной повязке, из-под расстегнутого воротника гимнастерки выглядывала до нельзя заношенная рубаха.

Сам Поддонов был коренастый мужчина с грубыми чертами лица, на котором, как угли, сверкали два острых глаза

— Долго ли это вы, гражданин Саврасов-Лоботрясов, саботажничать будете? — обратился к нему председатель.— Почему двор чистить не идете, да еще ругаетесь?

Долго ли вы саботажничить будете?

— Это издевательство, товарищ, дрожа, заговорил князь,— почему вы меня именно на эту работу назначили?

— Как почему? Да потому, что очередь дошла. А вы вот дурака валяете. Которые с вами вместе назначены, те уже работают.

— Те к этой работе, может быть, привычные...

— Чего?—удивился Поддонов.—А, впрочем, как хотите. Только, если вы и сегодня отказываетесь, мы снимем вас с учета и отберем у вас продовольственную карточку.

— Нет... Прошу вас.. Я подумаю. Хотя я уже решил... Дайте мне лопату. Я иду на работу.

Демосфенов, не дождавшись хозяина, сунул в карман лежавшую на столе осьмушку хлеба и ушел.

Каждый день были какие-либо работы: сегодня—уборка двора, завтра—колка дров, там—колка льда. Полуголодный князь изнемогал; все тело мучительно болело, руки покрывались мозолями.

Однажды, во время разборки деревянного дома сорвавшимся бревном ему сильно ушибло плечо, и князя едва живого стащили домой.

Дня через два в его комнату неожиданно вошел Поддонов.

Как дела-то?— спросил он, усаживаясь на край постели.

— Плохи дела,— простонал князь,— голодаю, помощи никакой.

— А родственники твои, а знакомые где? У тебя, ведь, их, кажется, хоть пруд пруди.

Князь только рукой махнул:

— Какая там помощь... Они и меня-то с'есть готовы...

Поддонов пыхнул цыгаркой, сплюнул и вдруг брякнул:

— Слизняк вы народ... И пуль-то на вас жаль.

Князь угрюмо молчал.

Поддонов посопел носом и, неуклюже сунув под одеяло какой-то сверток, не прощаясь, вышел.

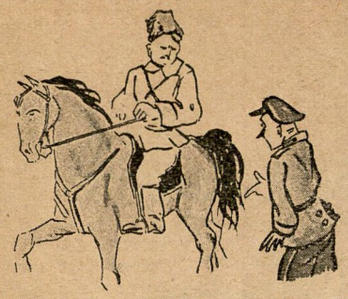
Развернув сверток, князь нашел в нем кусок хлеба и пачку махорки.

— Боже мой, до чего я дожил... всякая рвань мне—князю Саврасову-Лоботрясову— милостыню осмеливается подавать... и, скрипнув зубами, яростно погрозил вслед ушедшему кулаком. Однако, хлеб с'ел.

* * *

Прошло два года. Красные, форсировав Перекоп, победоносно гнали Врангеля, занимая город за городом.

В одном из только-что захваченных городов расположилась красноармейская дивизия. Во главе кучки всадников, на сильном боевом коне сидел начальник дивизии, наш старый знакомый товарищ Поддонов. Он был все тот же, только

— Пощадите,— ей Богу, я случайно попал!

сильно загорел и щеку его пересекал крупный рубец от сабельного удара.

Мимо вели пленных.

Остановившись взглядом на толпе офицеров, Поддонов вдруг поднял брови и крикнул какому-то офицеру с адъютантскими аксельбантами:

— Эй! остановитесь-ка!

Сильно побледневший офицер выступил вперед.

— Никак это ты, Саврасов!—воскликнул удивленно Поддонов.

Князь Саврасов Лоботрясов смущенно опустил голову. Носом он издал звук, напоминающий рыданье.

— С большевиками, стало быть, воюешь? —усмехнулся Поддонов.

Товарищ Поддонов, пощадите, всхлипнул князь,—ей богу, я случайно попал.

— Ну, как же, как же, конечно, случайно .. Все вы случайно.

— Товарищ Поддонов, ей богу, я...

— Ну, проваливай, проваливай дальше. Не мое дело теперь с тобой разбираться.

— Шагай, шагай, ваше сиятельство,— весело сказал босоногий красноармеец с винтовкой на бечевке, подталкивая князя вперед.

* * *

Подходила десятая годовщина Октября. ГПУ к этому времени ликвидировало ряд террористических белогвардейских шаек, сунувшихся было за последний год в СССР.

В одном из губернских городов только что закончился процесс таких бандитов.

Председатель суда тов. Поддонов только что закончил чтение приговора, по которому пятеро из десяти подсудимых получили расстрел.

Проходя мимо скамьи подсудимых, Поддонов приостановился и подошел к одному из приговоренных.

Саврасов-Лоботрясов, это был он, сидел бледный, как смерть, и дрожал мелкой дрожью.

— Добегался, шавка ты чемберленовская, —сурово нахмурившись, сказал Поддонов. —А жаль, что ты не подошел под расстрел. С удовольствием бы тебя расстрелял.

Саврасов-Лоботрясов перед судом.

— Ну, теперь уже наверняка твоей физиономии десять лет не увижу.

Куда нас теперь отправят, тов. Поддонов? с кривой, заискивающей улыбкой осведомился князь.

— Известное дело — в тюрьму, в склад бракованных изделий.

В. Питерский.

* * *

Прошло еще два года. В тюрьму явилась комиссия по разгрузке. Поддонов обходил камеры. Разговорившись с арестованными, он вдруг воскликнул:

— Батюшки мои, да никак опять ты, ваше сиятельство?

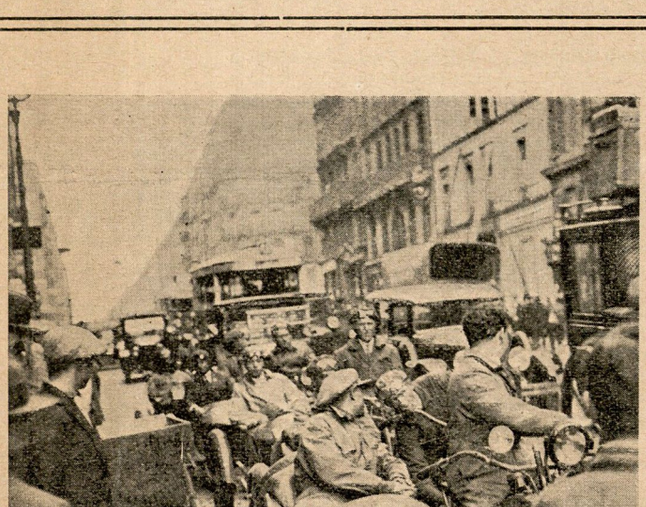
Мрачный и небритый, князь криво ухмыльнулся и прошептал:

— Совершенно случайно, товарищ Поддонов...

— Опять случайно? И что это тебе такое невезенье? Совсем тебя большевики заели, видно!

— За что сидит?— спросил он у начальника тюрьмы.

— За спекуляцию. Кокаином торговал.

Советские мотоциклисты в Париже. Справа пятый — туляк Иваненко.

Через 10 лет.

Наши дни поразительно просты,
Но зато сколько нови в годах!
Этой нови я слышу поступь
В электрических проводах...
Ведь, давно-ли, в жестокие годы,
Когда тучами шел на нас враг,
Забывая про пищу, про отдых,
Мы горели в бурливых боях?..
Жизнь неслась, словно буйная тройка,
Унося вихревые дни... Запылали
Мы новою стройкой,
Захватил нас бетон и гранит.
У врагов зло вопили газеты,
И гадюкой ползла клевета:
«—Разве смогут что сделать советы—
Шантрапа и босота?»
і оворили... А мы в работе,
Словно нефть, кровь и мускулы жгли.
Как водой, как дождем, нашим потом
Орошали грудь нашей земли.
Ой, недаром, недаром, недаром
Проливались и пот и кровь:
Не у нас ли электро-пожаром
Бушует Волховстрой?
И не наши-ль советские были
В исторический впишут аннал:
Как в какой-нибудь год мы прорыли
Волго-донской канал?
Не о том ли, в часы вечерние,
Старики говорят у костров:
Как пустили мы в Тульской губернии
До сорока тракторов?
Десять лет... Промчались и уплыли...
Пережить было их нелегко..
Но зато как высоко мы взмыли...
Как вперед мы ушли далеко!..
Правда, будут впредь
И радости, и беды,
Но теперь их просто так понять,
Когда есть такие вот победы,
Когда знаешь,
Что врагам их не отнять...

Алексей Медведев

Песня.

Речкою иду я на родной сторонке,
Мне навстречу Груня едет из-под зорьки.
Что с тобою, сердце? Кто тебя колотит?
Не робей: обратно конь не поворотит.
Едет Груня. Гулко конь копытит землю.
Розовое поле за рекою дремлет.
Вот на этом поле помнятся полоски:
Сохла рожь, овес был—чахленькие блестки.
Далеко-далече песни те уплыли,
Уж деревья листья десять раз сменили...
Клеверное поле над рекою дремлет.
Едет Груня. Гулко конь копытит землю.
Зори, мои зори, зори полевые,
Вы мне дали песни, песни разливные!
Эх, светлеет речка! Эх, туманы тают!
Больше все за Груней поле расцветает...

М. Кольчугин.

* * *

Мне сегодня песни петь захотелось проще...
Как торжественно-просты облака над рощей.
Запоздалым ездоком колесит и вертит,
Заблудившийся за рвом, бестолковый ветер..
Как торжественно кругом! Что же здесь такое?
Золотая тишина, в розовом покое...
Золотой осенний клен обнажает плечи
Над тропою, где прошли и любовь и встречи..

Александр Лесной.

Рис. В. Сэпп.

Зайцева, или марка?

В Каналстрое заведует канцелярией О. И. Зайцева. Во время занятий ее можно видеть каждый день идущей по ул. Коммунаров, в виду ее неполной нагрузки. Каждый месяц она прогуливает 5—6 дней, которые ей оплачиваются. Должность, которую она занимает, Каналстрою не нужна, а получает Зайцева 75 рублей. Марку свою она не снимает. Считает это низким. **Т. П.**

Ну, так что ж, что Каналстрою эта должность не нужна? Зато Зайцевой нужна. 75 рублей на полу не валяются. А ежели за маркой Зайцевой низко наклоняться, надо ее перевесить повыше. В случае, если Зайцева и тут марку не снимет, можно попробовать снять Зайцеву.

А зима-то на что?

На Углу Жуковской и Советской улиц есть столовая «Артели» № 3. Со двора дома, где помещается столовая, течет зловонная жидкость. **Рабкор.**

Спешим успокоить посетителей столовой, что скоро зима, которая быстро ликвидирует этот недочет. С наступлением весны, можно об этом снова начать писать.

Т.т. рабкоры и селькоры, пишите в отдел „На мушку“!

Частник доволен.

В колбасной кооперативного т-ва «Артель» производится переработка на колбасу убитых без медосмотра свиней. Что же делает частник? **И.**

Частник цветет, полнеет и приговаривает:—„спасибо тебе, матушка „Артель“, благодаря тебе, у меня покупателей прибавляется“.

Вред и польза дезинфекции.

Самые полезные изобретения на благо человечества могут быть использованы и как источник его страданий. Уж на что прекрасная вещь дезинфекция, и из нее ухитрились сделать орудие пытки.

Вот что нам пишут из 1-го отделения милиции:

По понедельникам по утру дезинфекторы форменным образом отравляют карболовой кислотой атмосферу отделения. Сотрудники задыхаются. У одних болит голова, другим делается дурно. Все ходят пропитанными насквозь отравляющим запахом **Страдальцы.**

Зато теперь, когда пьяный муж возвращается домой, жена уже без всяких колебаний его приветствует:—«опять, истукан, в 1 отделении ночевал!».

Тоже „футбол“.

Во главе отдела складов завода № 1 стоят Лобанов и Бабкин Уволился у них зав. складом № 3 и склад принял тов. Савельев. В это время Лобанов и Бабкин выписали из Туапсе своего родственника Пантюхина и предложили ему взять в заведывание любой склад. Пантюхин выбрал № 3. Савельеву пришлось снова перемещаться, теперь уже в склад № 7. **М-в.**

А вдруг Пантюхину тоже захочется в склад № 7? А вдруг в склад № 3 захочется еще какому-нибудь родственнику начальства? Берегись, Савельев, этак ты совсем футбольным мячем заделаешься!

„Смычка“—два братца да сестричка.

В артели «Пролетарский Штамп», по Октябрьской, 18, работали бесплатно две практикантки. Одну из них, Иванову, уволили, а другую — Полосатову, оставили. У Полосатовой два брата состоят членами правления этой артели. **Без фамилии.**

Чему же тут удивляться? Если бы братцы были в другой артели, тогда, может быть, оставить сестрицу было бы труднее. А так—раз плюнуть.

Игра в прятки.

В 1-ое отделение Тулгормилиции явился представитель Совкино с просьбой выдать справку в том, что управление Совкино находится в гор. Туле, по ул. Коммунаров, 33. Справку требует Губвнуторг, для заверения каких-то документов. **М.**

А начальнику отделения надо бы тоже упереться и заявить:—«дайте мне сначала справку, где находится Губвнуторг?». Тогда Губвнуторг бы запросил, где находится милиция, а милиция снова: где Губвнуторг? Вот бы писче-бумажным магазинам лафа-то была бы!

На протяжении 10 лет существования Советов, капиталисты, не переставая делают попытки навредить СССР. Но как ни мечут, как ни злобствуют капиталисты, все же они вынуждены итти на экономические соглашения с СССР.

Рис. В. Сэпп.

Вот мчится тройка удалая,
Грызя свирепо удила...
Путь пеной злобы устилая,
Повозку тройка понесла.

Пуанкаре и Муссолини
В пристяжке рвутся под откос,
Но Чемберлен посередине
Вдруг с тяжким храпом в землю врос.

Ямщик в своих руках уверен.
Напрасны злых скотов труды.
Рванул назад нарком Чичерин,
И тройка села на зады.

В. П.

Издатель — газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, Н. Медведев, В. Старцев.

Адрес редакции: Тула, угол ул. Коммунаров и Менделеевской, д. № 2. Телефон 1-77.

Гублит 1738. Типография Тулпечати, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 6734 Тираж — 25.000 экз.